

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-9-24>

УДК 248.158

ББК 86.2

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2024 г. В.Ю. Лебедев
г. Тверь, Россия

© 2024 г. А.М. Прилуцкий
г. Санкт-Петербург, Россия

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА В ДИСКУРСАХ САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

Исследование выполнено за счет внутреннего гранта Российского государственного педагогического ун-т им. А.И. Герцена (проект № 26ВГ)

Аннотация: В статье представлено осмысление феномена заповедных мест с позиций религиоведческой семиотики. Авторами выявлена амбивалентность восприятия заповедного места народной религией: заповедное место может одновременно восприниматься и как топос в котором совершается поклонение, и как предмет поклонения. При этом вырабатываются устойчивые ритуалогемы почитания заповедных мест, формирующие сложные ритуальные комплексы. Анализ мифо-семиотической специфики нарративов о таинственных местах позволил предложить их типологию: места силы, таинственные места, места-убежища, места, метонимически связанные с особыми религиозно значимыми событиями. Отдельно рассмотрены заповедные места, опасные и вредоносные для человека. Проанализированы базовые мифотеологемы, формирующие дискурс сакральной географии. Доказано, что нарратив о заповедных местах не только формируется в результате функционирования механизмов мифотеологической герменевтики, свойственной народной религиозности, но и оказывается способным порождать новые мифологические сюжеты. При этом религиоведческий анализ специфики заповедных мест выявил невозможность их однозначной конфессиональной идентификации по причине наличия в их интерпретации синкретических мифологем. Рассказы о посещении заповедных мест и сопряженные с этими посещениями переживания различных событий и состояний активно мифологизируются и становятся источниками формирования новой семантики и семиотики сакральной географии.

Ключевые слова: Сакральная география, места силы, заповедные места, гиблые места, проклятые места, семиотика религии, народная вера, народная эсхатология.

Информация об авторах:

Владимир Юрьевич Лебедев — доктор философских наук, доцент, Институт педагогического образования и социальных технологий, Тверской государственный университет, ул. Желябова, д. 33, 170100 г. Тверь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Александр Михайлович Прилуцкий — доктор философских наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, ул. Казанская, д. 6, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Дата поступления статьи: 11.07.2023

Дата одобрения рецензентами: 30.12.2023

Дата публикации: 25.06.2024

Для цитирования: Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Заповедные места в дискурсах сакральной географии // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 9–24.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-9-24>

Постановка проблемы

Под «заповедными местами» следует понимать особые топосы сакральной географии, связанные с верой в то, что нахождение в этих местах позволяет человеку ощутить воздействие сверхъестественных сил, причем последнее происходит на регулярной основе и, как правило, оказывает плодотворное воздействие на человека. При этом критерии регулярности отсутствуют, поэтому регулярным можно в данном случае считать и постоянное воздействие, и периодически повторяющееся или повторявшееся. Воздействие сверхъестественных сил на человека, находящегося в «заповедном месте», следует отличать от религиозных переживаний воздействия благодати Божией, которые мистически настроенные верующие часто испытывают в храмах, особенно во время совершения праздничных служб, при участии в таинствах или поклонении реликвиям. Несмотря на это храм может выступать и в качестве «заповедного места», но только при соблюдении определенных условий, поэтому последнее относится не ко всем храмам, но некоторым, особо выделенным из числа прочих. Можно предположить, что культ заповедных мест генетически восходит к архаическому почитанию земли и древним хтоническим культам [8].

Методы и источники

Авторы используют системно-структурный анализ, позволяющий выявить механизмы организации пространств как элементов крупных социально-культурных полей, роли в этой организации семиотических оппозиций, и, наконец, трансформации пространств. Дискурс-анализ позволяет определить пути маркирования, прежде всего, в виде присвоения имен, приписывания прагматических и ценностных свойств (как в кратком виде, так и в развернутом). Моделируются сценарии (структурные последовательности, паттерны), регулирующие религиозные практики, обращенный на «сакральные пространства». В качестве источников используются данные религиозного интервьюирования, данные Интернет-контента, фиксации тематически релевантных бесед.

В связи с тем, что в анализируемых источниках часто в рамках одного понятия комбинируются мифологические и теологические способы выражения религиозного контента, авторами использована концепция мифотеологемы как синкретичного фор-

мата религиозного содержания, свойственного для переходной ламинарной культуры с характерным увеличением числа страт и значительной свободой культуротворчества в пределах каждой из них [10].

Состояние предметной области

Уже в XIX в. эта тема была затронута в классических работах Э. Тайлора и Д. Фрэзера, общеизвестных в контексте эволюционного-исторического подхода. Ряд вопросов был позднее рассмотрен М. Элиаде, обобщившем, помимо прочего, ряд уже имевшихся концепций, и К.Г. Юнгом, который наиболее ярко осуществил анализ архетипов, в том числе и имеющих пространственную природу, перехода человечески-телесного в космическое, микрокосма в макрокосм [31;32]. Эта исследовательская линия была продолжена В.Н. Топоровым [29]. Отдельно следует упомянуть К. Леви-Стросса, применившего к описанию и пониманию пространства метод бинарных оппозиций (и объяснительные возможности построенных на этих оппозициях оппозиторных структур). Современные исследования сакральной географии методологически разнообразны и многоаспектны. В рамках теоретико-методологического направления разрабатываются концептуальные подходы к осмыслению феноменов сакральной географии, сакрального статуса особых территорий и соответствующих им локусов. Это направление представлено публикациями Н.М. Теребихина (в частности: [27]), Р.Х. Касимова [9], В. Быстрова, С. Дудника, В. Камнева [3], М.П. Миронова, С.Г. Банных., Б.В. Емельянова [17]. Также следует упомянуть исследования, выполненные в геософской парадигме [30]. Исследования феноменов сакральной географии, выполненные с позиций социальной этнографии, содержатся в работах социолога и этнографа Е.А. Окладниковой [20], работающей преимущественно на материалах Ленинградской области и успешно применяющей методы структурного анализа. Отдельные аспекты проблемы выделения сакральных локусов из окружающего их контекста затронуты в статье А.П. Липатовой [20]. Герменевтическая специфика данного явления отражена в публикациях Е.Ю. Сафатова [26], О.Н. Александрова-Осокина [1] и некоторых иных авторов. Эсхатологические интерпретации мифологемы сакрального убежища, т. е. особых мест, в которых можно пережить апокалиптические катастрофы, проанализированы в статье А.М. Прилуцкого [23], в которой рассмотрена герменевтика сакральных мест, представленная в современных профетических нарративах. В имеющейся научной литературе обнаруживается значительное количество публикаций, отражающих региональную специфику проблемы, к их числу относятся исследования сакральных мест русского Севера [22], белорусского Подвинья [15], ульяновского Присурья [14], Пензенской земли [4], Язулы [6], Архангельской области [21], Хакасии [18] и других регионов.

Религиоведческий подход к изучению объектов сакральной географии представлен в публикациях К.М. Товбина [28], И.П. Давыдова [7], С.А. Польской [22], Е.В. Нам [19], В.Ю. Лебедева [11;12], содержащих анализ специфики представлений о сакральной стратификации пространства, имеющей истоки в сакральном, что свойственно различным религиозным и конфессиональным культурам; особенностей религиозной герменевтики и семиотики сакральных локусов.

В завершении обзора следует отметить работы справочно-энциклопедического типа: «Сакральная география» [24] и «Путеводитель по таинственным и загадочным местам России» [23], которые хотя и относятся к феноменам массовой культуры, содержат, в том числе и научно значимые данные.

Исследование

Амбивалентность восприятия заповедного места народной религией заключается в том, что заповедное место зачастую воспринимается и как топос в котором совершается поклонение, и как предмет поклонения. Причем вырабатываются устойчивые ритуалогемы почитания заповедных мест, формирующие сложные, уникальные ритуальные комплексы типа почитания Канавки в Дивеево, ритуализированного восхождения на Синай и т. п., равно как сценарии ритуализированного поведения в местах гиблых и проклятых. Строго говоря, последние являются вариантом заповедных мест, отличающимся модальностью и некоторой спецификой прагматики. Миф в понимании авторов, как повествование о потустороннем и его связи с человеком и миром людей, фундирует целый ряд мифолого-ритуальных практик, в том числе, связанных с древними архетипическими представлениями о сакральных локусах, семантика которых не всегда может быть убедительно реконструирована. Отчасти это обусловлено сложными мифопоэтическими¹ метафорами, восходящими своими корнями к древнему мистико-апофатическому опыту, герменевтический анализ которого не всегда представляется возможным.

С точки зрения категориальной семиотики, семиотизация некоторого храма в качестве «заповедного места» будет осуществляться на субкатегориальном уровне. Подобный храм символически соотносится с «заповедным местом» не в силу его категориальных признаков: наличия алтаря, антиминса, совершения таинств, освящения епископом и т. д., но потому, что наряду с этими признаками (и часто независимо от них) он обладает особым субкатегориальным значением: это «особенный храм», в нем есть нечто, в большинстве других храмов отсутствующее. Это принципиально важное замечание, без учета которого концепт «заповедное место» становится неоправданно широким.

В типологии «заповедных мест» следует выделить:

- Места силы.
- «Таинственные места»
- Места-убежища.
- Места, метонимически связанные с особыми религиозно значимыми событиями.

Поскольку концепт «заповедные места» активно разрабатывается дискурсами окультно-эзотерическим, религиозным (в т. ч. субдискурс народной религиозности, различные религиозные субкультуры), и даже не имеющими непосредственного отношения к «сверхъестественному» (например, т. н. «дятловедение», интернет-субкультура исследователей гибели туристической группы И. Дятлова на Северном Урале в 1959 г.), типология «заповедных мест» по необходимости включает концепты, отражающие зачастую взаимоисключающие мировоззренческие установки. Полагаем, что концепт «заповедные места» может рассматриваться как структурообразующий компонент гипердискурса сакральной географии и, в силу этого, он не может во всей полноте смысла интерпретироваться в рамках конфессиональной или квазиконфессиональной герменевтики².

Места силы. Это излюбленное понятие эзотериков, уфологов, адептов различных альтернативных наук (альтернативная медицина, палеозоология, различные иссле-

¹ Мифопоэтика в рамках данного исследования трактуется в соответствии с концепцией, разработанной профессором Г.А. Токаревой.

² Последнее применимо в той степени, в которой современный эзотеризм может рассматриваться в качестве некоей аморфной квазиконфессии.

дователи биополей, etc.). Предполагается, что места силы наделены «особой энергетикой», что является результатом не только особого географического расположения, особенностей рельефа, но и событий мировой и церковной истории (места сражений, казней, значимые религиозные события); действия могущественных магов, колдунов, шаманов; воздействия инопланетян или легендарных, «особо могущественных» цивилизаций прошлого и т. д., и т. п. Иногда такими местами считаются некрополи, что нашло отражение и в субкультурах, сочетающих интерес к этим объектам с неподобающим поведением в их пределах. Нередко в таких случаях «место» сокращается до одного захоронения, которое считают помогающим, порой без объяснения причин. Такие могилы становятся местом молитв, своеобразных паломничеств, на надгробиях пишут просьбы. Речь не идет о могилах людей, почитаемых как праведники, что нередко впоследствии отражается в решениях церковной власти о канонизации. Нахождение в местах силы позволяет человеку, при соблюдении особых условий, которые часто отчетливо не артикулируются:

- излечиться от хронических болезней, бесплодия;
- испытать катарсис, действующий по аналогии с ромашковым клистиром;
- воспринять некую высшую мудрость;
- обрести экстрасенсорные способности;
- получить ответы на экзистенциальные вопросы.

Таинственные места. Достаточно широкая категория сакральной географии, включающая различные топосы, в которых нарушается привычный ход физических и биологических процессов. В таинственных может происходить визуализация различных «невидимых сущностей» — призраков, духов, душ умерших предков; появляются необъяснимые явления и феномены: НЛЮ, светящиеся летающие шары. Согласно мифологии таинственных мест, находящийся там человек может испытывать различные галлюцинации, пребывать в состоянии измененного сознания. От мест силы таинственные места отличаются некоторыми модальными оценками: в местах силы человек способен на двунаправленную коммуникацию, в результате воздействия особой энергии он усиливает собственный «биоэнергетический» и оккультно-эзотерический потенциал, иными словами — получает для себя пользу. В таинственных местах человек оказывается только реципиентом некоего воздействия извне, которое побуждает его искать причину происходящего с ним, но какой-либо иной пользы не приносит.

Психологически интерес к таинственным местам, даже чисто теоретический, провоцируется самой их неясностью, что формирует установку на познание или имитацию такового в виде интереса, сбора данных, включая хаотичный газетный и интернет-материал.

Разновидностью таинственных мест следует признать проклятые места. Последние выступают как особые топосы, пребывание в которых для человека является потенциально опасным. Таковыми часто считаются места, связанные с деятельностью демонических сил, колдунов, ведьм, великих грешников, равно как места, на которые наложены проклятия.

Еще одной разновидностью таинственных мест следует признать места массовых казней. Маркированные семиотикой смерти, они зачастую воспринимаются людьми в соответствии с некрофобскими представлениями культуры повседневности. Отметим, что герменевтика подобных топосов часто апеллирует к паранаучным концептам, в частности к лженаучной гипотезе о том, что в момент насильственной смерти человек выделяет особый тип энергии.

Места-убежища. Представляют особый интерес, поскольку зачастую обладают инвертированной семантикой и прагматикой: в этих местах может не пребывать священная сила, а отсутствовать сила нечистая, как напрямую, так и в виде посредников. Убежища, упомянутые в Библии, Библейские убежища были нередко связаны с Иерусалимским храмом, где возможность такого убежища была предусмотрена, откуда происходит и существовавшая одно время практика прятаться в христианских храмах как на официально неприкосновенной территории. Чисто казуально попытки найти последнее прибежище в храме наблюдаются вплоть до сегодняшнего дня. Сценарии бегства от непотребства встречаются в Библии многократно; исход Лота и предписания выйти и бежать, включая и собственную семиотику; весьма насыщен перемещениями, особенно разного рода бегством Апокалипсис — и это лишь наиболее известные примеры. В то же время бегство как реакция на определенные стимулы — весьма распространенный тип поведения человека, более того, человеком оно вовсе не ограничивается, встречается в природных биологических сообществах.

Особую роль места убежища занимают в эсхатологическом дискурсе [16], причем как в религиозном, так и в чисто светском, породившем, в частности, целую субкультуру «выживальщиков». Нередко встречаются смежные, синкретичные варианты. Такое бегство мотивировано двояко, причем мотивация может объединяться: осознание невозможности пребывания «в нечистом и обезбоженном» и осознание опасности, грозящей человеку и его близким. Опасность, в свою очередь, может выступать как ущерб благополучию, здоровью, жизни или как угроза вечному спасению. Последнее из-за своей принципиальной важности способно привести к паническому бегству или созданию продуманных проектов самого радикального свойства, включая особые поселения. «Экопоселения», популярные у ряда НРД и некоторых оккультно ориентированных людей являются скрыторелигиозным вариантом все того же бегства.

Отдельного рассмотрения требует «бегство» из города, когда местом перемещения становится или индивидуальное поселение, или деревня. Деревня выступает как ставшая традиционной оппозиция городу, хотя при выборе для себя и рекомендаций другим (существуют специальные ютуб-каналы, регулярно призывающие к переселению в деревню и дающие советы, как это легче сделать) происходит рационализация таких представлений и мотивов, которые на деле чаще оказываются мифологизированными. Наиболее прост и житейски рационален вариант представления о том, что вне города можно будет отсидеться, затянув время. Но даже у старообрядцев это получалось плохо, отсюда частые коллективные суициды (ср. напр.: [2]), показывающие провал этих замыслов. Кроме того, в современном мире даже отдаленное поселение легко обнаружить с помощью информационных технологий, а преодолеть расстояние до него, равно как и тяжелую для передвижения местность — малопроблематично при уровне современной техники. Экомифология (как в светском, так и религиозном изводе) игнорирует и естественную общность ресурсов (вроде водных путей, мирового океана), так и изменения, внесенные глобализацией. Локальных загрязнений в современном мире очень мало, речь обычно идет лишь о степени загрязнения. Прimitивная натуропатия в качестве альтернативы городской медицине вряд ли заслуживает серьезного рассмотрения. Просто беглец по религиозным мотивам воспримет смерть от болезни как волю Бога и даже избавительный дар, позволяющий, например, избежать самоубийства перед лицом приближающейся антихристовой силы (сообщения о случаях таких суицидов встречались, но достоверность их самих и сообщаемых подробностей пока не ясна). Однако религиозное бегство стало интенсивно осваивать

светские по своему генезу технологии «выживальщиков». Представления о принципиальных отличиях деревенского (а еще лучше выделенного среди дикой природы для использования конкретными лицами) пространства от городского в санитарном плане также в значительной степени мифологичны. В некоторых случаях отдаленные поселения защищены лучше, но серьезный разговор возможен только с учетом специфики болезни, ее передачи и т. д., без этого неизбежно скатывание в голословную декларативность. Так, врачи, практиковавшие на рубеже прошлого-позапрошлого веков в сельской местности, были осведомлены о степени распространения среди их пациентов инфекционных болезней, включая и социальные, подчас на поздних стадиях (например, С.С. Юдин: [30]). Имеются упоминания о болезнях, давно имеющих в медицине характер маркеров нравственного уровня, это относится, например, к венерическим заболеваниям и в немалой мере определяет динамику их распространения. С другой стороны, инфицированию может способствовать архаичный уклад быта, дефицит индивидуального белья, полотенец, а также принятие пищи из общей посуды, в результате чего возможны вспышки заболеваний, охватывавшие целые семьи. Конечно, логика мифологизации подскажет объяснение, обвиняющее город в заносе ряда инфекционных болезней, особенно в ситуации усиленной миграции после эпохи Великих реформ. Сложность с отправлением церковного культа в деревне решается довольно легко по «старообрядческой логике», согласно которой подлинного богослужения все равно уже нигде нет, а собственные обряды можно скомпоновать самим. Нами отмечена интересная тенденция: и в деревнях учащаются случаи недоверия к местному духовенству, хотя раньше подобные упреки если и раздавались, то в основном в адрес духовенства городского, где отыскивали «тайных грешников», «тайных латинян» и так далее. Так что даже наличие в деревенской местности храма может уже не быть решающим доводом при эсхатологическом бегстве — храм безблагодатен, духовенство нелегитимно. Наконец, изолированность деревни зависит от уровня развитости продуктов информационных технологий, в частности, интернетизации. Вопрос о степени их распространения и региональных особенностях потребовал бы отдельного исследования, но сегодняшний тренд на вовлечение деревни во всеобщее информационное пространство вполне отчетлив. Некоторое его сдерживание может объясняться миграцией в город молодежи, для которой указанные технологии уже являются обычной частью жизни.

Вариантом бегства в святое место является бегство в монастырь. При этом оно может быть и актом отречения от прежней жизни, и попыткой уйти под покров святого места. В эсхатологической ситуации это стремление многократно усиливается. Отсюда существующее ранжирование, выделяющее «сильные» в этом отношении монастыри, напр., Серафимо-Дивеевскую пустынь с ее известной канавкой. Однако и здесь наблюдается динамика в виде появления слухов и «откровений» о том, что из очередного монастыря ушла святость, что там поселились бесы, все испортили колдуны, таинства больше не совершаются и так далее. «Все телефонные переговоры в Дивеево прослушиваются ежесекундно. В женском монастыре матерные слова в среде рабочих как норма. В списке благодетелей монастыря «массоны» (так в оригинале — авт). На территории монастыря сожжены труды великого подвижника благочестия преподобного Иосифа Волоцкого <...> Колдунов в округе пруд пруди» [34].

Отдельного рассмотрения заслуживает выявленная нами мифологема убежища-«домика с участком», с «курами, козочкой, огородиком» [35], оформляющаяся в анти-урбанистских проектах и у вполне светских людей — в этом случае такой домик мыслится как убежище от неких «катастроф», последствий экологического кризиса

и подобного. Интересно, что она популярна среди людей в полной мере городских, с реалиями деревенской жизни или вообще жизни в «диких» условиях чаще не знакомых. Адепты, транслирующие данную мифологему, демонстрируют интересное явление, близкое к аффективному сужению восприятия, когда страх блокирует осознание очевидных вещей, как-то: домик может оказаться в зоне «катастрофы», если она будет масштабной; обработка участка при этом «домике», сбор и охрана урожая (и вообще хозяйственные циклы), будут очень трудоемкими и ненадежными. «Покупайте домик у реки или родника, копайте колодец, сажайте вербу возле него. Выращивайте съедобные травы: топинамбур, сныть, крапиву, хвощ, кислицу, пырей, тысячелистник, одуванчик, лопух и другие. Потому что придет такое время, когда из голодных городов на деревню обрушится “десант” вооруженных людей в поисках еды. А тут, как на беду, в огороде уже созрел урожай картошки. Надо бы не сопротивляться, выкопать картошечку, да самому и погрузить в машины разбойников, но нет! Немудрый человек будет защищать свое добро, и скорее всего, расплатится за это свинцом. А трава в огороде, кому она нужна?» [40]. Проблема возможности легкого обнаружения поселений людей, бежавших от «антихристовой власти», легко решается благодаря апелляции к сверхъестественному: «Своих Бог уберезет. Они будут жить небольшими поселениями. Поначалу они потерпят тяготы и лишения, а затем они будут жить свободно, потому что их Бог будет закрывать, и они будут невидимы этим нечистым силам. Потому что зомбированные полицейские, они не будут видеть ни дома этого, ни человека, ни где человек укрылся [37]. Успешно воспроизводится сценарий бегства ранних старообрядцев.

В религиозном варианте мифологемы акцентируется выращивание пищевых культур как «своих», не «зараженных жидо-масонами» и не помеченных антихристом. В светском варианте мифологема вошла в общее поле «выживальщицкой субкультуры» при отсутствии ответа: а чем, собственно, закончится такое отсиживание, и как долго оно будет длиться. Будет очень интересным лонгитюдное наблюдение над динамикой мигрирования этой мифологемы в семиосфере.

Места, метонимически связанные с особыми религиозно значимыми событиями.

В дискурсах сакральной географии они представлены достаточно широко. Во-первых, это места погребения почитаемых подвижников. Часто особый статус подобных топосов базируется на пророчествах различной степени достоверности, но всегда он непосредственно связан личностью почитаемого подвижника: «“Приходите ко мне на могилку, как к живому, разговаривайте, как с живым, и я всегда помогу вам”, — многим говорил в свое время вырицкий старец» [38], или — «Сегодня, по прошествии многих лет, масса паломников приезжает к месту упокоения блаженной Пелагеи Захаровской, которая еще при жизни говорила: “Приходите ко мне на могилку и все мне рассказывайте. Хотя меня с вами не будет, я все услышу и постараюсь помочь...”» [36].

К числу подобных мест следует отнести и топосы, связанные с особыми агиографическими событиями: обычно это чудеса, совершившиеся по молитве святого, явления ему ангелов, святых, Богородицы. Обычно подобные места выступают в качестве центров локальной сакральной географии (например — монастыря), почитание их может строиться по образцу почитания реликвий, как мы это видим на примере вышеупомянутой Дивеевской канавки.

Часто в дискурсе представлены сложные случаи, когда места, метонимически связанные с особыми религиозно значимыми событиями, одновременно выступают в качестве мест спасения. В качестве наиболее характерного примера приведем знаме-

нитую мифотеологему о семи храмах, которые не будут никогда осквернены антихристом. Это:

- Зарайск — храм в честь Благовещенья Пресвятой Богородицы, Рязанская Епархии;
- Дивеево — Храм в честь Иконы Казанской Божией Матери;
- Храм г. Почаев;
- Село Липки — храм в честь Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова (там потом будет монастырь), недалеко от села Захарово, Вороньи выселки, где находится могила Блаженной Девицы Пелагеи Захаровской, Рязанской Епархии;
- Санакарсы — село Ковыляй, монастырь, восстановленный с помощью схиегумена Иеронима (убиенного);
- Пюхтицы;
- Храм с. Колюпаново [34].

Каждый из перечисленных храмов является или «объявляются» крупным духовным центром с богатой историей. Уже сам факт помещения какого-либо топоса в один ряд с Дивеево, Зарайском, Пюхтицами придает ему особую сакральную значимость, метонимизируя его в качестве особой святыни: часто именно таким образом достигается эффект завышенной валидности. Данные представления в наиболее разработанном, детализированном виде представлены в фундаменталистских и псевдофундаменталистских субкультурах [5].

В качестве вырожденного варианта можно привести топосы с определенными совпадениями фоносемантических компонентов названий. Так, одно из меропрятий Богородичного Центра в Твери проходило под лозунгом «Тверь — в небеса дверь».

Перечисленные места могут рассматриваться одновременно и в качестве мест спасения, поскольку:

Полошка блаженная говорила вот что: «Во время гонений — накануне воцарения антихриста — будут сохранены чудесным образом немногие храмы! Пойдут, к примеру, вооруженные головорезы изгонять православных священников, чтобы на их место поставить еретиков, да ничего не выйдет!.. Как только дойдут они до определенной Богом черты, так замертво и упадут! Когда же опять наберут отчаянных богборцев и пошлют второй раз, то и их на той же линии настигнет смерть! Тут уж они устроятся, все следы уберут без огласки и к той границе приближаться уже не будут³... Только снаружи будут лютовать! Так — по милости Божией — в этих избранных храмах и будут совершаться Его Таинства!» [34].

Особой разновидностью, не укладывающейся полностью в нашу типологию, являются некрополи, отношение к которым может быть очень варибельным и не всегда рационализированным [9]. Некрополь может относиться к любому из четырех топологических типов и даже одновременно сочетать в одном топологическом объекте несколько признаков. Например, роль может играть наличие могил праведников, канонизированных святых, людей с доброй репутацией (врачи), «колдунов», людей с «дурной репутацией», странных и необычных захоронений, порождающих разнообразные биографические и этиологические мифы⁴, наконец, захоронений, придающих неоднозначно маркированную помощь или просто получившие семантику дурных, но способных оказать помощь, выполнить желание и т. п. В отношении некрополя порой

³ Возможно, данный текст вдохновлен: 4 Цар. 1: 9-12.

⁴ Очень характерная подборка, спровоцировавшая журналистское расследование, приведшее к снятию ореола тайны: [35].

существует даже дифференциация кладбищенского воровства и вандализма. Трогать некоторые могилы считается опасным или просто «западло». Неопределенность приводит к поведенческому сценарию «посещать только при серьезной необходимости». Странность порой вытекает из наличия необычных надгробий, таинственность которых могла быть легко объяснена из контекста событий захоронения и обустройства могилы, но является прочно утерянной, что успешно генерирует и мифы, и эмоционально окрашенную характеристику. Случайные события криминального характера, произошедшие на территории некрополя, могут получать причинно-следственное объяснение, исходя из общей характеристики данного места.

Также нами неоднократно фиксировались семантически неопределенные отзывы об определенных некрополях («дурное», «неспокойное») с выводом: «запрещу себя на этом кладбище хоронить; куда угодно, но только не на это».

Как инвертированные варианты указанных топографических единиц существуют:

- Места негативных и вредоносных сил.
- «Проклятые места» — о них было сказано выше.
- Вредоносные места или места, где «защита» подается заведомо сомнительными или демоническими силами.
- Места, метонимически связанные с событиями или жизнью «врагов веры», еретиков, колдунов.

* * *

Проведенные нами исследования позволяют сделать вывод о том, что дискурс заповедных мест с одной стороны формируется в результате функционирования механизмов мифотеологической герменевтики, свойственной народной религиозности, а с другой стороны он оказывается способным порождать мифологический нарратив. Рассказы о посещении заповедных мест и сопряженные с этими посещениями переживания различных событий и состояний активно мифологизируются и становятся источниками формирования новой семантики и семиотики сакральной географии.

Список литературы

Исследования

- 1 *Александрова-Осокина О.Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241. DOI 10.24224/2227-1295-2020-5-216-241
- 2 *Булацель П.Ф.* Исследования о самовольной смерти / П.Ф. Булацель. М.: Книга по требованию, 2014. 218 с.
- 3 *Быстров В.Ю., Дудник С.И., Камнев В.М.* Русская религиозная геософия: опыт историко-философской реконструкции // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 150–172. DOI 10.17323/1728-192X-2016-3-150-172.
- 4 *Волков С.Н.* Пензенская земля в аспекте сакральной географии // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 42. С. 85–90.
- 5 *Головушкин Д.А.* Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: «Богословие. Философия». 2015. № 1. С. 87–97.

- 6 *Гритчина Ю., Мустафина Н., Логинова Н.* Сакральная география Язулы // Исследователь / Researcher. 2020. № 4 (32). С. 356–363.
- 7 *Давыдов И.П.* Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2021. 453 с.
- 8 *Домников С.Д.* Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. М.: Алетея, 2002. 672 с.
- 9 *Касимов Р.Х.* Геософия в составе теории локальных цивилизаций // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 164–166.
- 10 *Лебедев В.Ю.* К вопросу о типологии культур и особенностях религиозного праксиса // Религия. Церковь. Общество. Вып. 2. СПб.: Любавич, 2013. С. 39–51.
- 11 *Лебедев В.Ю.* Некрополи Центральной России как объект исследования // Вестник славянских культур. 2012. № 1. С. 5–11.
- 12 *Лебедев В.Ю.* Религиозный ритуал западного христианства: культура, традиция, семиотика (XVI–XX вв.). Тверь: ГЕРС, 2008. 328 с.
- 13 *Липатова А.П.* Сакральная география как система: вопрос о статусе сакрального объекта // Научный диалог. 2018. № 11. С. 103–112. DOI 10.24224/2227-1295-2018-11-103-112. EDN YOWSIH
- 14 *Липатова А.П.* Сакральная география Ульяновского Присурья // Традиционная культура. 2018. Т. 19. № 5S. С. 154–165.
- 15 *Лобач В.А.* Сакральная география белорусского Подвинья: типология, актуальное состояние и перспективы исследования // Псковский регионологический журнал. 2019. № 2 (38). С. 22–35.
- 16 *Мелютин М.Н., Попова Л.Д., Терехин Н.М.* Сакральная география и иеротопия Русского Севера. М.; Архангельск: Солти, 2016. 231 с.
- 17 *Миронов М.П., Банных С.Г., Емельянов Б.В.* Геософия русской мысли. Екатеринбург: Уральский ин-т государственной противопожарной службы МЧС России, 2009. 156 с.
- 18 *Мицевич А.В.* Республика Хакасия как субъект сакральной географии // Актуальные проблемы истории, политики и права: сб. ст. V Всерос. научн.-практич. конф., Пенза, 16–17 ноября 2017 года. Пенза: Пензенский государственный аграрный ун-т, 2017. С. 96–100.
- 19 *Нам Е.В.* Роль числовой символики в шаманской космологии и в процессе коммуникации между мирами (на материалах Сибирского региона) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 1 (65). С. 29–33.
- 20 *Окладникова Е.А.* Сакральная география: исследовательские подходы // Сакральный ландшафт: традиции и современные проблемы: тезисы Межвузовской научно-практической конференции, Якутск, 9 апреля 2010 г. Якутск: Якутский государственный ун-т им. М.К. Аммосова, 2010. С. 5–6.
- 21 *Петров Д.Д.* Сакральная география восточных районов Архангельской области: автореф. дис. ... канд. историч. наук. М., 2015. 22 с.
- 22 *Польская С.А.* «Места силы» в сакральной географии французского средневековья // Мистико-эзотерические движения в теории и практике: сакральная география в философии, культурологии, религиоведении: сб. мат. Десятой всерос. научн. конф. с междунар. участием, Ставрополь, 23–25 апреля 2019 года. Ставрополь: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2020. С. 121–129.
- 23 *Прилуцкий А.М.* Эсхатологическая мифологема сакрального убежища в дискурсах православных субкультур // Вестник Северного (Арктического) федераль-

- ного университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2019. № 3. С. 128–136.
- 24 Путеводитель по таинственным и загадочным местам России / под ред. И.В. Резько. Минск: Харвест, 2007. 304 с.
- 25 Сакральная география: энцикл. святилищ и мест силы / сост. Д.В. Громов. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 637 с.
- 26 Сафатова Е.Ю. Сакральная география Руси-России: семиотика пространства (на материале «путешествия по святым местам русским» А.Н. Муравьева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 9 (87). С. 151–155.
- 27 Теребихин Н.М. Геософия и сакральная география как проектно-ориентированные направления исследования в области этнокультурологии народов Северной Евразии // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 1. С. 80–87.
- 28 Товбин К.М. Архетип «сокровенного града» в символическом пространстве старообрядчества // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 2. С. 153–158.
- 29 Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. М.: Прогресс-Культура, 1995. 624 с.
- 30 Юдин С.С. Воспоминания. М.: ТОНЧУ, 2012. 688 с.
- 31 Юнг К.Г. Психология переноса / К.Г. Юнг. М.: Медков, 2016. 240 с.
- 32 Юнг К.Г. Человек и его символы / К.Г. Юнг. М.: Медков, 2016. 352 с.
- 33 Keighren Innes M. Geosophy, imagination, and terrae incognitae: exploring the intellectual history of John Kirtland Wright // Journal of Historical Geography. 2005. Vol. 31. № 3. P. 546–562.

Источники

- 34 В конце времен останется на белом свете только семь храмов // Близ при дверях, у последних времен URL: <http://preddvermi.ru/viewtopic.php?id=291> (дата обращения: 10.07.2023).
- 35 Востроилова Т. Жизнь, смерть и любовь Кати Иванцовой. О чем молчит мрачный Реквием на Киноевском кладбище // Фонтанка.ру URL: <https://www.fontanka.ru/2021/12/25/70333319/> (дата обращения: 11.10.2023).
- 36 Матушка Матрона: «Все, все приходите ко мне и рассказывайте, как живой, о своих скорбях, я буду вас видеть, и слышать, и помогать вам» // Нет проблем. И не будет. URL: <http://netprob.ru/interesnoe/matushka-matrona-vse-vse-prihodite-ko-mne-i-rasskazyvajte-kak-zhivoj-o-svoih-skorbyah-ya-budu-vas-videt-i-slyshat-i-pomogat-vam.html> (дата обращения: 10.07.2023).
- 37 Православные старцы: пророчества и о спасении в последние дни // Чистый интернет URL: http://www.logoslovo.ru/forum/all/topic_9634/ (дата обращения: 11.08.2023).
- 38 Пророчества преподобного Серафима Вырицкого // Церковь Успения Богородицы усадьба Демьяного г. Клин URL: <http://klin-demianovo.ru/http://klin-demianovo.ru/analitika/83111/prorochestva-prepodobnogo-serafima-vyiritskogo/> (дата обращения: 10.07.2023).
- 39 Это надо знать: «Тучи над нашим родным Дивеево» // Про наше Дивеево. URL: http://voliaboga.narod.ru/nado_znati.htm (дата обращения: 10.07.2023).
- 40 Эшелон // Литературно-исторический клуб РусичЪ. URL: <https://likorg.ru/post/eshelon> (дата обращения: 10.07.2023).

***

© 2024. Vladimir Yu. Lebedev
Tver, Russia

© 2024. Alexander M. Prilutskiy
St. Petersburg, Russia

SANCTUARIES IN THE DISCOURSES OF SACRED GEOGRAPHY

Acknowledgements: The research was supported by an internal grant from A.I. Herzen Russian pedagogical university (project № 26BГ).

Abstract: The paper explores the phenomenon of sanctuaries from the perspective of religious semiotics. The authors have identified the ambivalence of the perception of a mystical place by folk religion: a mystical place can be simultaneously perceived both as a topos in which ritual is performed, and as an object of worship. At the same time, stable ritualogemes of veneration of mystical places are developed, forming elaborate ritual complexes. Analysis of the mytho-semiotic specificity of narratives about sanctuaries made it possible to propose their typology: places of power, mysterious places, places of refuge, places metonymically associated with special religiously significant events. Special areas that are dangerous and harmful to humans are considered separately. The study includes analyzing of basic mytheologemes that form the discourse of sacred geography. It has been proven that the narrative about sanctuaries is not only formed as a result of the functioning of the mechanisms of mythological hermeneutics characteristic of folk religiosity, but also turns out to be capable of generating new mythological plots. At the same time, a religious studies analysis of the specifics of sacred sites revealed the impossibility of their unambiguous confessional identification due to the presence of syncretic mythologemes in their interpretation. Stories about visiting sacred places and the experiences of various events and states associated with these visits are actively mythologized and become sources for the generating of new semantics and semiotics of sacred geography.

Keywords: Sacred Geography, Places of Power, Sacred Sites, Black Places, Damned Places, Semiotics of Religion, Folk Faith, Folk Eschatology.

Information about the authors:

Vladimir Yu. Lebedev — PhD in Philosophy, Docent, Professor, Professor Department of Theology, Institute of Pedagogical Education and Social Technologies, Tver State University, Zhelyabova St. 33, 170100 Tver, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4840-3135>

E-mail: semion.religare@yandex.ru

Alexander M. Prilutskiy — PhD in Philosophy, Professor, Professor Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Kazanskaya St. 6, 191186 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7013-9935>

E-mail: alpril@mail.ru

Received: July 11, 20223

Approved after reviewing: December 30, 2023

Date of publication: June 25, 2024

For citation: Lebedev, V.Yu., Prilutskiy, A.M. “Sanctuaries in the Discourses of Sacred Geography.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 9–24. (In Russ.)
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-9-24>

References

- 1 Aleksandrova-Osokina, O.N. “Voprosy geopoetiki v sovremennom literaturovedenii” [“Issues of Geopoetics in Modern Literature”]. *Nauchnyi dialog*, no. 5, 2020, pp. 216–241. (In Russ.)
- 2 Bulacel', P.F. *Issledovaniya o samovol'noj smerti* [Research on Unauthorized Death]. Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ, 2014. 218 p. (In Russ.)
- 3 Bystrov, V., Dudnik, S., Kamnev, V. “Russkaia religioznaia geosofia: opyt istoriko-filosofskoi rekonstruktsii” [“Russian Religious Geosophy: History-philosophical Reconstruction Experience”]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, no. 15 (3), 2016, pp. 150–172. (In Russ.)
- 4 Volkov, S.N. “Penzenskaia zemlia v aspekte sakral'noi geografii” [“Penza Region in the Aspect of Sacred Geography”]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* [Proceedings of Research Center “Sociosphere”], no. 42, 2012, pp. 85–90. (In Russ.)
- 5 Golovushkin, D.A. “Religiozniy fundamentalizm / religiozniy modernizm: kontseptual'nye protivniki ili ambivalentnye fenomeny?” [“Religious Fundamentalism / Religious Modernism: Conceptual Adversaries or Ambivalent Phenomena?”]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Series 1: “Bogoslovie. Filosofiya” [Bulletin of St. Tikhon Orthodox University], no. 1 (57), 2015, pp. 87–97. (In Russ.)
- 6 Gritchina, Iu., Mustafina, N., Loginova, N. “Sakral'naia geografiya Iazuly” [“Sacred Geography of Yazula”]. *Issledovatel' / Researcher*, no. 4 (32), 2020, pp. 356–363. (In Russ.)
- 7 Davydov, I.P. *Khram i ritual: sotsial'nye funktsii sviashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2021. 453 p. (In Russ.)
- 8 Domnikov, S.D. *Mat'-Zemlia i Tsar'-Gorod. Rossiya kak traditsionnoe obshchestvo* [Mother-Earth and Tsar-City. Russia as a Traditional Society]. Moscow, Aleteia Publ, 2002. 672 p. (In Russ.)
- 9 Kasimov, R.Kh. “Geosofia v sostave teorii lokal'nykh tsivilizatsii” [“Geosophy in the Composition of Local Civilization Theory”]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiia*, no. 19, 2015, pp. 164–166. (In Russ.)
- 10 Lebedev V.Yu. “K voprosu o tipologii kul'tur i osobennostyakh religioznogo praksisa” [“On the Question of the Typology of Cultures and the Characteristics of Religious Praxis”]. *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo* [Religion. Church. Society], no 2, 2013, pp. 39–51. (In Russ.)
- 11 Lebedev, V.Iu. “K voprosu o tipologii kul'tur i osobennostyakh religioznogo praksisa” [“On the Question of the Typology of Cultures and the Peculiarities of Religious Praxis”] *Religiya. Cerkov'. Obshchestvo*, issue 2. SPb, 2013, pp. 39–51. (In Russ.)
- 12 Lebedev, V.Iu. “Nekropoli Tsentral'noi Rossii kak ob'ekt issledovaniia” [“Necropolises of the Central Russia as an Object of Study”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 1, 2012, pp. 5–11. (In Russ.)
- 13 Lebedev, V.Iu. *Religiozniy ritual zapadnogo khristianstva: kul'tura, traditsiia, semiotika (XVI–XX vv.)* [Religious Ritual of Western Christianity: Culture, Tradition, Semiotics (16th – 20th Century)]. Tver', Gers Publ., 2008. 328 p. (In Russ.)

- 14 Lipatova, A.P. “Sakral'naia geografiia kak sistema: vopros o statuse sakral'nogo ob"ekta” [“Sacred Geography as a System: Issue of the Status of a Sacred Object”]. *Nauchnyi dialog*, no. 11, 2018, pp. 103–112. (In Russ.)
- 15 Lipatova, A.P. “Sakral'naia geografiia Ul'ianovskogo Prisur'ia” [“Sacred Geography of Ulyanovsk Region”]. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 19 (5S), 2018, pp. 154–165. (In Russ.)
- 16 Lobach, V.A. “Sakral'naia geografiia belorusskogo Podvin'ia: tipologiia, aktual'noe sostoianie i perspektivy issledovaniia” [“Sacred Geography of Belorussian Podvinya: Typology, Current State and Perspectives of Research”] *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 2 (38), 2019, pp. 22–35. (In Russ.)
- 17 Meliutina, M.N., Popova, L.D., Terebikhin, N.M. *Sakral'naia geografiia i ierotopiia Russkogo Severa* [Sacred Geography and Hierotopy of the Russian North]. Arkhangel'sk, Solti Publ., 2016. 231 p. (In Russ.)
- 18 Mironov, M.P., Bannykh, S.G., Emel'ianov, B.V. *Geosofia russkoi mysli* [Russian Geosophy]. Ekaterinburg, UISFS of EMERCOM of Russia Publ., 2009. 156 p. (In Russ.)
- 19 Mitsevich, A.V. “Respublika Khakasii kak sub"ekt sakral'noi geografii” [“Republic of Khakassia as a Subject of Sacred Geography”]. *Aktual'nye problemy istorii, politiki i prava: sbornik stateti V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 16–17 noiabria 2017 goda* [Current Issues of History, Politics and Law: Proceedings of the V Russian Scientific and Practical Conference, Penza, November 16–17, 2017]. Penza, Penza State Agricultural University Publ., 2017, pp. 96–100. (In Russ.)
- 20 Nam, E.V. “Rol' chislovoi simvoliki v shamanskoi kosmologii i v protsesse kommunikatsii mezhdru mirami (na materialakh Sibirskogo regiona)” [“The Role of Numerical Symbols in Shamanic Cosmology and in the Process of Communication between the World (based on Materials of Siberian Region)”] *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (65), 2016, pp. 29–33. (In Russ.)
- 21 Okladnikova, E.A. “Sakral'naia geografiia: issledovatel'skie podkhody” [“Sacred Geography: Research Approaches”]. *Sakral'nyi landshaft: traditsii i sovremennye problemy: tezisy Mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Iakutsk, 9 apreliia 2010 g.* [Sacred Landscape: Traditions and Modern Issues: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Iakutsk, April 9, 2010]. Yakutsk, Yakutsk State University Publ., 2010, pp. 5–6. (In Russ.)
- 22 Petrov, D.D. *Sakral'naya geografiya vostochnykh rajonov Arhangel'skoj oblasti* [Sacred Geography of the Eastern Regions of the Archangel Region: PhD Thesis Summary]. Moscow, 2015. 22 p. (In Russ.)
- 23 Pol'skaia, S.A. “‘Mesta sily' v sakral'noi geografii frantsuzskogo srednevekov'ia” [“‘Places of Power' in the Sacred Geography of the French Middle Ages”]. *Mistiko- ezotericheskie dvizheniia v teorii i praktike: sakral'naia geografiia v filosofii, kul'turologii, religiovedenii: sbornik materialov Desiatoi vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Stavropol', 23–25 apreliia 2019 goda* [Mystical-esoteric Movements in Theory and Practice: Sacred Geography in Philosophy, Cultural Studies, Religious Studies: Proceedings of the X Russian Scientific Conference with International Participation, Stavropol', April 23–25, 2019]. Stavropol, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2020, pp. 121–129. (In Russ.)
- 24 Prilutskii, A.M. “Eskhatologicheskaia mifologema sakral'nogo ubezhishcha v diskursakh pravoslavnykh subkul'tur” [“Eschatological Mythology of Sacred

- Shelter in Discourses of Orthodox Subcultures”]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, Series: “Gumanitarnye i sotsial'nye nauki” [“Humanities and Social Sciences.”], no. 3, 2019, pp. 128–136. (In Russ.)
- 25 *Putevoditel' po tainstvennym i zagadochnym mestam Rossii* [Guide to Mysterious and Enigmatic Places in Russia] ed. by I.V. Rez'ko. Minsk, Harvest Publ., 2007. 304 p. (In Russ.)
- 26 *Sakral'naia geografiia: entsikl. sviatilishch i mest sily* [Sacred Geography. Encyclopedia of Sanctuaries and Places of Power], comp. D.V. Gromov. Yekaterinburg, Ul'tra, Kul'tura Publ., 2005. 637 p. (In Russ.)
- 27 Safatova, E.Iu. “Sakral'naia geografiia Rusi-Rossii: semiotika prostranstva (na materiale ‘puteshestviia po sviatym mestam russkim’ A.N. Murav'eva)” [“Sacred Geography of Rus'-Russia: Semiotics of Space (Based on the ‘Travel to the Russian Holy Places’ by A.N. Muravyev)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 9 (87), 2009, pp. 151–155. (In Russ.)
- 28 Terebikhin, N.M. “Geosofia i sakral'naia geografiia kak proektno-orientirovannye napravleniia issledovaniia v oblasti etnokul'turologii narodov Severnoi Evrazii” [“Geosophy and Sacred Geography as Project-oriented Research Directions in the Field of Ethnoculturology of the Peoples of Northern Eurasia”]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*, Series: “Gumanitarnye i sotsial'nye nauki” [Bulletin of the Northern (Arctic) federal university, Series “Humanities and Social Sciences”], no. 1, 2012, pp. 80–87. (In Russ.)
- 29 Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic] Moscow, Progress-Kul'tura Publ, 1995, 624 p. (In Russ.)
- 30 Tovbin, K.M. “Arkhetip ‘sokrovennogo grada’ v simbolicheskom prostranstve staroobriadchestva” [“Archetype of ‘Sacred City’ in the Symbolic Space of the Old Belief”]. *Kul'turnaia i gumanitarnaia geografiia*, no. 2 (2), 2013, pp. 153–158. (In Russ.)
- 31 Iudin, C.S. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow, TONCHU Publ., 2012. 688 p. (In Russ.)
- 32 Yung K.G. *Psihologiya perenosa* [The psychology of the Transference] Moscow, Medkov Publ, 2016. 240 p. (In Russ.)
- 33 Yung K.G. *Chelovek i ego simvoly* [Man and his Symbols] Moscow, Medkov Publ, 2016. 352 p. (In Russ.)
- 34 Keighren, Innes, M. “Geosophy, Imagination, and Terrae Incognitae: Exploring the Intellectual History of John Kirtland Wright.” *Journal of Historical Geography*, vol. 31, no. 3, 2005, pp. 546–562. (In English)